

ОДНОСТОРОННИЕ АРМЯНО-БАЛТИЙСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

(Resp. Армяно-пруссские, армяно-литовские, армяно-латышские)

Доктор филол. наук Л. А. САРАДЖЕВА

Как известно, на современном этапе развития индоевропейского сравнительного языкознания вопрос об односторонних армяно-балтийских изоглоссах в научной литературе специально не ставился. Подобное положение обусловлено прежде всего тем, что изучение армяно-балтийских языковых связей не получило должного освещения по целому ряду объективных и субъективных причин. О взаимоотношении армянского и балтийских языков если и говорилось, то большей частью в общих трудах по индоевропеистике, в арменоведческих работах, посвященных позиции армянского языка среди индоевропейских (Г. Р. Зольта, Г. Б. Джаукян), а также параллельно в работах, освещающих взаимоотношение армянского и славянских языков (Л. Сараджева). В балтийском же языкознании вопросы взаимоотношения балтийского и армянского специально не освещались вообще. Несмотря на важность проблемы, ей посвящена лишь одна статья Джона Греппина, в которой автор приходит к выводу о том, что «связь между балтийским и армянским вполне случайна, и любая гипотеза об их ранней тесной связи кажется маловероятной»¹.

Ситуация, сложившаяся в области изучения армяно-балтийских связей, вызвана своего рода психологическим барьером, который привел к известному консерватизму сравнительно исторической лексикологии. Так, из рассматриваемых групп, армянский имеет наибольшую близость к греческому, а балтийский к славянскому. С другой стороны, между балтийским и греческим, славянским и армянским, армянским и балтийским степень родства может быть более или менее отдаленной. Как правило, наиболее привлекательны и традиционны исследования в области близкородственных языков. При сравнении родственных языков исследователь нередко обнаруживает такие общие черты или лексические единицы, которые лишь частично охватывают ту или иную языковую группу. В частности, в монографии «Армяно-славянские лексико-семантические параллели» впервые были специально отмечены армяно-южнославянские изоглоссы, обнаруживающие особую близость в области семантики между армянским и славянскими языками Балканского региона—болгарским и/или сербохорватским².

При исследовании армяно-балтийских лексических взаимоотношений также выявляются аналогичные случаи: общие явления, распространенные от эпохи индоевропейской глоттофорной общности, распространяются на армянский и какой-либо один язык балтийской языковой группы (resp. односторонние армяно-балтийские изоглоссы), а иногда даже и на диалект какого-либо балтийского языка.

¹ Дж. А. К. Греппин. Взаимоотношение балтийских и армянского языков.—Историко-филологический журнал, 1976, № 1, с. 87—100.

² Л. А. Сараджева. Армяно-славянские лексико-семантические параллели. Ереван, 1986, с. 350—351.

Настоящая работа не претендует на всестороннее освещение проблемы, поскольку исследование ограничивается лишь несколькими наиболее архаичными семантическими группами: «физический мир», «фауна», «флора» и «временные обозначения». Однако и подобная постановка вопроса не лишена известной значимости при исследовании древнейших отношений между данными языковыми группами, в частности, в выявлении ареально ограниченной лексики.

При рассмотрении односторонних армяно-балтийских изоглосс следует учесть то обстоятельство, что вышеназванные изоглоссы могут разделяться и другими индоевропейскими языками. Лексические сходства армянского и балтийского, концентрирующиеся в вышеуказанных группах, выявляют нижеследующий комплекс односторонних армяно-балтийских изоглосс:

а) Армяно-пруссские

Арм. *ašun* «осень» — прус. *assans* «осень» (при лит. *ruduo*, лтш. *rudens*), наряду с др.-рус. *осень*, гот. *asans* «жатва» и др.

Арм. *hup* «брод» — прус. *pintis* «путь» (при лит. *kėlias*), наряду с прасл. **roǔ* «дорога, путь», лат. *pons*, *-tis* «мост», «тропинка», греч. *ἄβυδος* «море», др.-инд. *pánthaḥ* «путь», эвест. *pania*. Архаичность флексии свидетельствует о древности индоевропейского термина.

Арм. *hug* «огнь» — прус. *rapno* (при лит. *ugnis*, лтш. *ugnis*), наряду с прасл. **rūǔa* «раскаленный пепел, зола», чеш. *rug* «раскаленный пепел, зола, жар», польск. *perzupa* «тлеющие угли», греч. *πῦρ* «огонь», хетт. *raḫḫuḫ*, др.-сев. *furr* в том же значении.³

Арм. *lusin* «луна» — прус. *lauknos* «светила» (при лит. *dangauš*, *sviesulys* «светила», *mėnuo*, *mėnesis* «луна, месяц»), наряду со ст.-сл. *луна*, лат. *lūna* «Богиня луны, луна».

Арм. *luscanel* «зажигать» — прус. *luckis* «полено» (при лит. *laikąs* 1) «белолобый», 2) «поле»), наряду со ст.-сл. *лоуча* «щепка», «лучина», лат. *lūcēb* «зажигаю свечу». Приведенные примеры входят в концептуальное поле, связанное с получением и поддержанием огня. В восточно-балтийском подобные значения не представлены.

Арм. *aḷ-* в *aḷjal* «туман» — прус. *aglo* «дождь» (при лит. *lietus*, лтш. *lietus*), наряду с греч. *ἄλός* «мрак, тьма, мгла».⁴

³ Эти слова, принадлежавшие в раннем индоевропейском к инактивному классу, противопоставили обозначению огня **-nk'ni* (др.-инд. *agnī*, лат. *ignis*, ст.-сл. *огнь*, лит. *ugnis*, лтш. *ugnis* и др.) как активной силы. В восточно-балтийских языках представлено именно это обозначение огня, в то время как прусский сохранил старое обозначение, обнаруживая связи с армянским, славянским и другими языками.

⁴ Отнесение арм. *aḷ-* в *aḷjal* «туман», *aḷjamiḷ* «мрак» к и-е: **aghl(u)-* вызывает сомнение, хотя и приводится многими исследователями (Мейе, Петерсон, Джаукян и др.). Фонетические трудности будут хотя бы частично сняты, если принять во внимание эгимологию *ei(u)w* «рог» < **grēu-*. В отношении прусского слова также имеются различные предположения. В частности, Мажюлис (*Zeitschrift für Slavistik* 19, 1974, S. 212—214) трактует *aglo* как **agla=akla* и допускает связь с хетт. *eku-* «пить», что не убедительно семантически. Имеются и другие точки зрения.

Аом. *metai* „молодой“, — прус. *maldeinkis* „ребенок“ (при лит. *kūdikis* „младенец“, *jūnapas* „молодой“), наряду с с.-сл. *mladъ* „младой“, ср. с греч. *μαλῖνος* „изнеженный человек“ и др.

Арм. *hap* „бабушка“ — прус. *ape* „старуха“ (при лит. *atūta* „сестра“, отличное по форме и значению, в латышском слова этого корня вообще отсутствуют), наряду с хэтт. *ḥappaš* „бабушка“, др.-в.-нем. *apa* „бабушка“.

б) Армяно-литовские

Арм. *erkir* „земля“ — лит. *erdvė* „пространство“, наряду с греч. *ἐρᾶ* „земля“, гот. *airtha*, др.-сев. *jord*, др.-в.-нем. *erda* „земля“.⁵

Арм. *manur* „мох, плесень“ — лит. *mūšos* „плесень“ (при лтш. *supas* „мох, мхи“), наряду с прасл. **mъxъ* „мох“, др.-в.-нем. *mos* „мох, болото“, лат. *muscu* „мох“.

Нижеследующая изоглосса свидетельствует о сохранении общего суффикса в армянском и литовском при его отсутствии в латышском и прусском:

ср. арм. *lasteni* „сльха“ — лит. *lascūpas* „орешник“ при прус. *laxde*, лтш. *laxde* „орешник“, наряду с алб. *lethi* „ореховый куст“.

Особый случай представляет армяно-литовская диалектная изоглосса, когда в армянском и в одном из диалектов литовского сохраняется древняя структурная черта — суффикс -п, при отсутствии такового как в других литовских диалектах, так и в других балтийских языках:

ср. арм. *lusanunk* „рысь“ — лит. диал. жемайтск. *lūnšis*, *lūnšu* (при лит. *lūšis*, лтш. *lūsis*, прус. *lu šis*), наряду с греч. *λύξ*, ср.-ирл. *lug* и др. Если носовой инфикс, выступающий в диалектной форме первичен, то представляется возможным установить архаичный армяно-греко-балтийский ареал. Без инфикса выступает славо-германский ареал и, как мы видели выше, частично балтийский:

ср. прасл. **gysъ*, др.-в.-нем. *luhs*, лит. *lūšis* и др.

в) Армяно-латышские

Арм. *hefel* „наводнение“, с.-сл. *ḥefel* „запавать“. „разливать“ — лтш. *raļi*, *raļi* „наводнение“ (п и лит. *lōtvynis* „наводнение“), наряду с прасл. **wola voda* „наводнение, разлив рек при ледоставе“.

Арм. *kov* „коровя“ — лтш. *kurvis* „коровя“ (п и лит. *karve* „корова“, прус. *curvis* „вол“),⁶ наряду с лат. *bos* „бык, корова“, др.-ирл. *bo* „коровя“, авест. *gāu-*, др.-инд. *gāuḥ* „бык, корова“ и др.

⁵ Сопоставление и этимологическое обоснование параллели: арм. *erkir* «земля» и лит. *erdvė* «пространство» принадлежит автору. Сб. Этимология. М. (в печати).

⁶ В прусском названии коровы не продолжает старого и.-е. корня **gōu-*, который истарил и относительно поздно стал связываться с названием самки крупного рогатого скота, и только в прусском и территориально связанным с ним сев.-польском (*karw* «вол»), название мужской особи использует элемент **kurv-*, возможно, из **karv-*. Для обозначения коровы используется слово *klente*.

Арм. skund «щенок» — лит. suniana «песок» (п. и лит. šinlūkas — демунивизное образование от šō «собака»), наряду с нем. Hund «собака».

Яркой семантической изоглоссой является обозначение «лягушки» в армянском и латышском: ср. арм. gort — лит. varde с одинаковым суффиксом *-d. В литовском представлен суффикс -l, в прусском же представлено другое слово: ср. лит. varlė «лягушка», прус. gawabe «жаба».

На основании рассмотрения армяно-балтийских односторонних изоглосс можно сделать несколько важных выводов.

1. Некоторое количество так называемых односторонних изоглосс, несомненно, можно объяснить утратой тем или иным балтийским языком изначально общих черт. Подобная точка зрения на односторонние изоглоссы аналогичного характера существует, к примеру, в германистике. В. М. Жирмунский⁷, в частности, объясняет их тем, что «эти изоглоссы должны иметь в прошлом общегерманское распространение и оказались в дальнейшем по различным причинам вытесненными в пределах той или иной диалектной территории, как и многие другие слова, унаследованные от германского языка-основы».

2. Однако, как увидим ниже, не все случаи армяно-балтийских односторонних изоглосс возможно объяснить утратой изначально общих балтийских черт. В действительности же в ряде случаев различия между отдельными балтийскими диалектами являются первоначальными, существовавшими в индоевропейскую эпоху. Хотя мы часто говорим об индоевропейских диалектах, у нас еще живы представления, отдающие дань как унитаристской концепции праязыка вообще, так и идее «единства общепалтйского языка» в частности.

Наличие односторонних армяно-балтийских изоглосс является аргументом против существующего мнения о «монолитности» общепалтйского языка и свидетельствует об условности его выделения. Общепалтйский язык не искусственная модель, а живой, территориально варьирующий язык, отдельные балтийские диалекты унаследовали различное количество общеиндоевропейских и ареальных изоглосс, что обусловлено неодинаковыми контактами с различными языковыми группами и языками, влиянием различного рода субстрата, самостоятельным изменением территории своего расселения.

Можно согласиться с точкой зрения Г. Б. Джаукяна относительно характера частичных (односторонних) изоглосс: «Во-первых, изменение и развитие языка нельзя объяснить без учета его вариативности — территориальной, социально-функциональной и индивидуальной. Невозможно представить себе изменение объекта при его монолитности и непротиворечивости. Во-вторых, при построении моделей языка следует также учесть его вариативность в пространстве и времени. При игнорировании этого принципа модель становится монолитным целым, состоящим из искусственно идеализированных частей»⁸.

Таким образом, армяно-балтийские односторонние изоглоссы объективно отражают изначально присущие отдельным балтийским языкам и даже диалектам различия, явившиеся следствием изменчивости исторического процесса, сложного переплетения лингво-географических конфигураций и миграционных траекторий.

⁷ Сравнительная грамматика германских языков. Т. 1, М., 1962, с. 133.

⁸ G. B. Džaukian. Variative Modelle des Urindoeuropäischen und der Begriff der Partiiellen Parallelen (Isoglossen). — Studia Indoeuropelca. Warszawa (в печати).

Вторичными контактами, как это пытаются сделать некоторые исследователи в отношении изоглосс подобного характера, армяно-балтийские односторонние изоглоссы объяснить не представляется возможным⁹, поскольку они относятся к очень древней эпохе. Об этом свидетельствует такой фактор, как наличие и отражение гетероклитических основ на *-г/-п: ср. арм. *hug* «огонь» — прус. *rappo* и др.

3. Удельный вес армяно-прусских односторонних изоглосс по рассматриваемым группам превалирует над армяно-литовскими и армяно-латышскими односторонними изоглоссами (соответственно: 8, 5, 4). Как правило, армяно-прусские изоглоссы, не разделяемые литовским и латышским, в большинстве случаев разделяются славянским: ср., к примеру, арм. *hup* «брод, русло», род. п. *hnl*, прус. *pintis* «путь», прасл. **putь* «путь», арм. **šup* «осень», прус. *assanls* «осень», др.-прус. «осень», арм. *matal* «молодой», прус. *maldekis* «ребенок», ст.-сл. *младъ* «молодой» и др.

Эти факты подтверждают точку зрения Б. В. Горнунга о первоначально более тесных контактах «протопруссов» (языки ятвягов и голиндов) и «протославян» вплоть до эпохи, условно называемой «балто-славянской», во время которой «протопруссы» были втянуты в более тесные контакты с летто-литовскими племенами¹⁰.

4. Ареальное рассмотрение армяно-балтийских связей, в особенности с учетом односторонних армяно-балтийских изоглосс, сулит весьма существенные результаты в выявлении противопоставленности праязыковых ареальных черт внутри членов рассматриваемых языковых групп. Это способствует установлению древнейших диалектных связей отдельных групп и языков в раннем по своим истокам контексте взаимоотношений в эпоху общности в их пространственно-временной соотнесенности, в особенности для установления древнейших ареальных связей палеобалканского языкового комплекса, к которому относились протоармянский и протобалтийский.

⁹ В. И. Абаев. Как можно улучшить этимологические словари. — В сб. *Этимология* 1984. М., 1986, с. 12. В более ранней работе, посвященной скифо-европейским изоглоссам, В. И. Абаев говорит следующее: «ареальные изоглоссы (=односторонним изоглоссам в терминологии автора) не обязательно связаны с этническим смешением, но предполагают этнические контакты, влекущие за собой распространение языковых фактов и признаков на определенном, более или менее ограниченном ареале. Эти изоглоссы не возводимы к единому праязыку и возникли в послепраязычный период на почве исторически складывающихся территориальных общностей». См.: В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1983, с. 145—146. В действительности же эти изоглоссы отражают первоначальные диалектные различия, ставшие основой для образования групп родственных языков; при этом имели место черты, разделяемые диалектами лишь частично.

¹⁰ Б. В. Горнунг. Из предистории образования общеславянского языкового единства. М., 1963, с. 97. Аналогичной точки зрения придерживается и В. К. Журавлев. См.: В. К. Журавлев. К проблеме балто-славянских языковых отношений. — *Ballistika* IV, Vilnius, 1966, с. 174.

Приведенные данные представляют интерес не только для истории армянского и балтийских языков, но и для теоретических построений индоевропейского языкознания в целом, в особенности для ареальной лингвистики.

ՄԻԱԿՈՂՄԱՆԻ ՀԱՅ-ՔԱԼԹԻԱԿԱՆ ԶՈՒԳԱՐԱՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

(Հայ-պրուսական, հայ-լիտվական, հայ-լատիշական)

Բանասիր. գիտ. դոկտոր Լ. Ա. ՍԱՐԱՋԵՎԱ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Հայ-քալթիական միակողմանի զուգարանությունների սահմանումը աշակցում է ավելի հին տարածքային կապերի բացահայտմանը հայերենի և առանձին քալթիական բարբառների միջև: Նման զուգարանությունների սահմանումը օգնում է «համաքալթիական» լեզուն որպես միակուռ և ոչ հակասական ամբողջություն դիտող ընդունված տեսակետի վերանայմանը, որը կարևոր նշանակություն ունի հնդեվրոպական տարածքային լեզվաբանության համար: Հայ-պրուսական զուգարանությունները, որպես օրենք, մեծ մասամբ բաժանվում են սլավոնական լեզուներով, որը հաստատում է Բ. Վ. Գորնովի տեսակետը «նախապրուսացիների» և «նախասլավոնների» սկզբնական ավելի սերտ կոնտակտների վերաբերյալ: